

ным приемам, в частности, к методу игрового (имитационного) моделирования. Примеры перехода или балансирования на этой грани – проблема психологии и психологического обеспечения реальных политических переговоров, формирования политических коалиций и группировок, а также организация их практического взаимодействия.

Психологические приемы прямого политического действия подразумевают политические процессы и явления, требующие непосредственного знания и использования прикладной психологии самими политиками. В первую очередь, это процессы и явления, связанные с личной или, реже, опосредованной, но прямой борьбой за власть. Сюда относятся такие «теневые» политические явления, как политическая интрига, политический заговор, политическая мимикрия, психологическая война в прямом и переносном смыслах, со всеми ее многочисленными компонентами.

Политика должна быть прогнозируемой – только тогда она станет управляемой. А это и есть самая главная задача политической психологии – управление политико-психологическими процессами. На основе понимания и прогнозирования развития процессов и явлений, надо уметь их направлять. Политическая психология – одно из средств особого, психологического управления поведением людей. Это должны понимать и ученые, развивающие ее, и политики, ею пользующиеся.

ПРЕКРАЩЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ЗАЧЕТОМ

М. В. Харченко

Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) содержит лишь две статьи, посвященные зачету встречных однородных требований: ст.381 и ст.382. В законодательстве, в частности, на уровне постановлений Пленумов Высшего Хозяйственного и Верховного судов, нет толкования норм о зачете. В связи с недостаточной правовой регламентацией данного института на практике довольно часто возникают проблемы. В данной работе исследуется два вопроса, возникающих при прекращении обязательств зачетом, а именно: с какого момента обязательства считаются прекращенными и каким образом истечение срока исковой давности препятствует проведению зачета.

Вопрос о том, с какого момента обязательства считаются прекращенными, является важным, поскольку от его разрешения напрямую зависит наличие и размер гражданско-правовой ответственности (возмещение убытков, уплата неустойки и процентов за пользование чужими

денежными средствами). В литературе данная проблема упоминается, как правило, вскользь. Тем не менее, можно выделить две точки зрения.

1. Обязательства прекращаются с того момента, когда есть все условия для зачета, то есть с момента наступления срока исполнения того обязательства, срок исполнения которого наступил позднее. Заявление о зачете является способом привести зачет в действие, но не способом определить момент прекращения обязательств. Фактически, зачет имеет обратную силу [2, с. 959; 3, с. 403; 4, с. 87]. Такой позиции придерживается и Президиум Высшего арбитражного суда Российской Федерации (п.3 письма от 29.12.2001г. №65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательства зачетом встречных однородных требований»).

2. Обязательства прекращаются в момент получения одной из сторон заявления другой стороны о зачете [5, с. 51; 6, с. 44].

С. Сарбаш является сторонником обратной силы зачета и объясняет ее исходя из истории формирования права, ссылаясь на германское законодательство, на проект Гражданского уложения Российской Империи, на труды ученых советского периода (в частности, Л. А. Лунца). Но ведь не зря белорусский законодатель не включил в ст.381 ГК норму об обратной силе зачета! Развитие права не остановилось на проекте Гражданского уложения Российской Империи, поэтому этот довод нельзя признать убедительным.

Если исходить из обратной силы зачета, указывает С. Сарбаш, то до момента получения второй стороной заявления о зачете стороны рассматриваются как находящиеся в просрочке, однако после зачета просрочившим должником может быть лишь та сторона, срок исполнения обязательства которой наступил ранее. Обратное действие зачета устраняет все последствия просрочки, начиная с момента наступления срока исполнения последнего обязательства. Поэтому гражданско-правовые санкции будет нести только та сторона, срок исполнения обязательства которой наступил ранее, и лишь за период с начала просрочки и до наступления срока исполнения обязательства другой стороны [4, с. 88]. С. Сарбаш считает такой подход справедливым: «...любая из сторон должна другой денежную сумму, при этом каждая из них, оказываясь в просрочке, как бы экономит для себя ту сумму, которую должна уплатить и одновременно получить, ничего, по существу, не теряя». Однако С. Сарбаш упускает из вида то обстоятельство, что размеры санкций по обязательствам могут быть абсолютно несоизмеримыми! И убытки, причиненные просрочкой должника, также могут значительно разниться. Может сложиться такая ситуация, когда убытки стороны, срок исполнения

требования которой наступил позднее, будут существенно превышать убытки стороны, срок исполнения требования которой наступил ранее. Переноса срок прекращения обязательств в прошлое, мы, по сути дела, нарушаем принцип равенства участников гражданских отношений (ст.2 ГК), поскольку в любом случае та сторона, срок исполнения требования которой наступил ранее, всегда будет в более выгодном положении.

Таким образом, правильной представляется та точка зрения, которая по каким-то причинам нашла меньше всего сторонников в юридической литературе: обязательства прекращаются зачетом с момента получения одной из сторон заявления другой стороны о зачете. Это вытекает из буквального толкования закона и принципа равенства участников гражданских отношений (ст.2 ГК). Почему точкой отсчета является именно получение второй стороной уведомления о зачете, а не принятие одностороннего решения первой стороной? Потому что зачет по общему правилу является односторонней сделкой, состоящей в выражении воли одной из сторон на прекращение обязательства этим способом. А воля должна быть выражена вовне, то есть доведена до сведения контрагента (это вытекает из понятия односторонней сделки, п.2 ст.155 ГК).

Согласно п.2 ст.381 ГК не допускается зачет требований:

- если по заявлению другой стороны к требованию подлежит применению срок исковой давности и этот срок истек;
- о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью;
- о взыскании алиментов;
- о пожизненном содержании;
- в иных случаях, предусмотренных законодательством или договором.

Наиболее интересным и дискуссионным является вопрос о невозможности зачета в случае истечения срока исковой давности. Формулировка пп.1 п.2 ст.381 ГК оставляет без ответа ряд важных вопросов:

1. Возможен ли в принципе зачет, если срок исковой давности по одному из требований истек.
2. Каким образом другая сторона должна заявить о применении срока исковой давности.
3. Если другая сторона не заявляет о применении срока исковой давности, означает ли это ее согласие на зачет.
4. Может ли другая сторона после проведения зачета заявить о применении срока исковой давности, каковы будут последствия такого заявления.

М. В. Телюкина полагает, что могут иметь место две ситуации. Если срок исковой давности истек в отношении требования к тому лицу, которое инициирует зачет, то зачет допускается независимо от истечения срока исковой давности. Если же срок исковой давности истек в отноше-

нии требования лица, которое инициирует зачет, то вторая сторона после получения сообщения о зачете может заявить об истечении срока исковой давности. Отсутствие такого заявления в разумный срок означает согласие второй стороны на зачет, несмотря на истечение указанного срока. В этом случае зачет будет оспоримой сделкой: если вторая сторона подаст иск в суд о признании зачета недействительным, то она должна будет доказать, что она сделала в разумный срок заявление об истечении срока исковой давности [5, с. 54]. Эта точка зрения представляется достаточно спорной, поскольку зачет при таком подходе превращается в двустороннюю сделку. И тогда возникает вопрос о том, в какой момент обязательства прекращаются.

С. Сарбаш и Р. Р. Томкович считают, что сама возможность заявления требования о применении срока исковой давности препятствует проведению зачета, зачет требования с истекшим сроком исковой давности является ничтожной сделкой [4, с. 89; 6, с. 46]. С. Сарбаш делает такой вывод, исходя из двух предпосылок. Во-первых, исковая давность может быть применена только судом по заявлению заинтересованной стороны, поэтому вне рамок судебного процесса какие-либо заявления о пропуске срока исковой давности не влекут последствий, установленных законом. Во-вторых, конструкция статьи о зачете дает основания полагать, что в ней перечислены «незачетоспособные» требования [4, с. 89]. Такая точка зрения также не идеальна, поскольку из нее вытекает, что срок исковой давности применяется независимо от воли сторон, автоматически, что не соответствует п.2 ст.381 и п.2 ст.200 ГК.

Наиболее правильной представляется позиция Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации, выраженная в письме от 29.12.2001г. №65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований». В соответствии с п.10 указанного письма сторона, получившая заявление о зачете, не обязана заявлять о пропуске срока исковой давности контрагенту, так как исковая давность может быть применена только судом, который применяет ее при наличии заявления при рассмотрении соответствующего спора. Таким образом, в случае истечения срока исковой давности зачет возможен, однако он будет оспоримой сделкой. Инициатор зачета несет риск того, что вторая сторона оспорит зачет в судебном порядке.

Представляется, в целях единообразного правоприменения рассмотренные выше вопросы следует урегулировать на уровне постановлений Пленумов Высшего хозяйственного и Верховного судов Республики Беларусь.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 №218–3 (ред. от 26.06.2003) // Ведомости Национального Собрания Республики Беларусь. 1999. №7–9. Ст. 101.
2. Гражданское право: в 2 ч. Ч.1: Учебник / Под общ. ред. проф. В.Ф. Чигира. Мн. Амалфея, 2000. 976 с.
3. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М. Государственное издательство юридической литературы. 1950. 416 с.
4. Сарбаши С. Прекращение обязательств зачетом в арбитражной практике // Хозяйство и право. 2001. №10. С. 80–91.
5. Телюкина М.В. Зачет встречного однородного требования. Специфика его применения в конкурсном производстве // Законодательство. 1999. №8. С. 46–60.
6. Томкович Р.Р. Зачет взаимных требований // Вестник МНС Республики Беларусь. 2002. №47. С. 44–50.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА

Т. Э. Шпилевская

Правовой статус характеризует правовое положение профессорско-преподавательского состава и включает в себя совокупность прав и обязанностей, предусмотренных нормативными актами. Термин профессорско-преподавательский состав объединяет в себе перечень должностей (за исключением руководящих), которые замещают преподаватели в высшем учебном заведении. Преподаватели высших учебных заведений, как и все граждане Республики Беларусь, пользуются правами, закрепленными в Конституции Республики Беларусь и иных нормативно-правовых актах. На преподавателей вуза в полной мере распространяется действие Трудового кодекса Республики Беларусь. В настоящее время только незначительная часть прав и обязанностей преподавателей высших учебных заведений закреплена в Законе от 29 октября 1991 года «Об образовании», остальные содержатся в других нормативных актах. Особые условия труда, специфика трудовой деятельности преподавателей высших учебных заведений обусловили необходимость законодательного определения и закрепления особых требований к профессиональным качествам и квалификации преподавателей вуза, а также дополнительных гарантий осуществления преподавательской деятельности. Преподаватели высших учебных заведений, помимо общих прав, которые закреплены в Трудовом кодексе, обладают специфическими правами и обязанностями, гарантиями и льготами. Проверка исполнения профессорско-преподавательским составом возложенных на них обязанностей проводится посредством периодических отчетов преподавателей в связи с